Шел десятый день первого месяца двадцать третьего года правления императора Чэнхуа.

Это должен был быть обычный день, если бы не судьбоносное событие, произошедшее накануне.

Благородная наложница Вань скончалась.

Многие чиновники узнали об этом только утром, когда пришли на работу.

В отличие от прочих безымянных наложниц гарема, госпожа Вань занимала особое место в сердце императора, так что новость эта стала сенсационной.

Госпожа Вань управляла гаремом более десятка лет и за это время не совершила ни одного достойного поступка. Напротив, она не раз поднимала шум и устраивала неприятности. Так, низложение первой императрицы и неоднократные попытки избавиться от наследного принца были именно ее рук делом.

Притворяться печальными особо ни у кого не выходило. Лю Цзянь с Сюй Пу, пусть и молчали, мысленно нарадоваться не могли столь доброй вести.

Поскольку считали, что со смертью госпожи Вань многие проблемы решатся сами по себе. К примеру, прежде император был так настойчив в своих попытках низложить наследного принца только лишь из-за своей привязанности к госпоже Вань, и теперь, когда той не стало, подбивать его больше никто не мог, да и влияние фракции Ваней должно было значительно ослабнуть, а значит, несчастья наследного принца были позади.

Но не успели они вздохнуть с облегчением, как случилось еще кое-что неожиданное.

Император захотел даровать госпоже Вань титул императрицы посмертно.

Когда Вань Ань огласил намерение императора на заседании, Кабинет Министров взорвался от возмущений.

Император не первый раз пробовал провернуть подобное.

Еще при жизни госпожи Вань, а вернее сказать, только взойдя на престол, Сын Неба горел желанием сделать свою любимую женщину императрицей, но немедленно столкнулся со всеобщим противостоянием. Больше всех возражала его мать, вдовствующая императрица Чжоу. Причин тому было много, и перечислять их теперь нет смысла. Главное, что следует знать, так это то, что император тогда был еще очень молод и нерешителен. Настоять на своем он не смог и был вынужден выбрать себе другую императрицу.

Однако вскоре, воспользовавшись тем, что императрица У разругалась с госпожой Вань, он низложил императрицу У и вновь попробовал даровать госпоже Вань столь желанный титул, но столкнулся с не менее яростным сопротивлением и, как и в первый раз, снова отступил, пойдя на компромисс.

Третий раз произошел после того, как госпожа Вань родила первенца. Император даровал ей титул благородной наложницы и пообещал, что, когда их сын будет официально объявлен

наследником, он низложит нынешнюю вторую императрицу Ван и сделает госпожу Вань императрицей. Однако Небеса распорядились по-своему. Мальчик умер, а их мечте так и не суждено было сбыться.

По прошествии стольких лет лишь старшие придворные чиновники помнили, какой шум император поднимал прежде из-за госпожи Вань. Кто ж знал, что после ее смерти он вновь примется за старое и захочет даровать ей титул императрицы посмертно.

Это было против правил.

Во времена Мин существовал специальный порядок. Большую часть гарема составляли добродетельные девушки из скромных семей, статусу которых не уделялось особо много внимания. Однако проблема госпожи Вань заключалась отнюдь не в статусе, а в происхождении: она была дочерью преступника и вошла во дворец в качестве служанки именно из-за этого. Так вышло, что прислуживать ее назначили императору, который в то время был наследным принцем. Она была лишь рыбой, перепрыгнувшей через Драконьи Врата и ставшей драконом. Добродетельной ее было не назвать, никаких великих достижений она не имела, наследника престола не родила, а значит, императрицей стать никак не могла.

А потому Лю Цзянь немедленно выступил против. Озвучив все вышеперечисленные доводы, он закончил свою речь со словами:

— Юаньвэн, не забывай, даже мать наследного принца до сих пор носит титул почтенной и добродетельной наложницы радости!

Хоть сын госпожи Цзи и был наследным принцем, императрицей ее посмертно не нарекли. Император даровал ей лишь титул достойной, почтенной и добродетельной наложницы радости. Лю Цзянь намекал, что, раз даже мать наследного принца не может претендовать на титул императрицы, то с чего вдруг госпоже Вань такая честь?

— Мы же просто обсуждаем варианты, чего ты так разнервничался? – неторопливо ответствовал Вань Ань. – Кабинет Министров стоит во главе сотен чиновников. Решение ни по одному государственному вопросу не будет принято без нас. Лю Сисянь, тебе сколько лет? Почему до сих пор ведешь себя столь импульсивно? Неужели правил не знаешь?

Лю Цзянь закатил глаза, подавившись воздухом. Не в силах ничего ответить на это, он сердито опустился на свое место.

После того как Лю Цзяня щелкнули по носу, атмосфера в Кабинете стала несколько унылой. Позицию свою никто больше высказывать не решался. Особенно это касалось Лю Цзи.

Хоть Вань Ань и назвал происходящее “обсуждением”, все знали, что из-за смерти госпожи Вань император, должно быть, будет убит горем, и если кто-нибудь хоть слово против скажет, тот храбреца на части разорвет. А в подобном Хлопковый Лю участвовать категорически отказывался.

Во всем кабинете противостоять Вань Аню был в состоянии лишь Лю Цзянь. Сюй Пу не был наделен даром красноречия, так что помочь ему и при всем желании не мог.

— Смерть человека подобна гаснущей лампе, – произнес Пэн Хуа. – Я считаю, благородная наложница уже мертва, а Его Величество поступает так, как и всякий человек на его месте. Если это принесет утешение Его Величеству, то что в этом плохого?

— Тогда что насчет почтенной и добродетельной наложницы радости? – усмехнулся Лю Цзянь. – Ей тоже следует даровать титул императрицы посмертно! А иначе в каком положении окажется наследный принц?

— Говорить так не стоит. Наследный принц останется наследным принцем вне зависимости от того, будет присвоен титул императрицы почтенной и добродетельной наложнице радости или нет. Изменить этого никто не в силах, – насмешливо ответил Инь Чжи. – Его Величество очень любил благородную наложницу и всегда хотел сделать ее императрицей. Если это утешит Его Величество, то почему бы и нет? Его Величество и так ужасно расстроен, а ты продолжаешь препятствовать ему. Надеешься разгневать его до смерти, чтобы воплотить свою мечту и посадить наследного принца на престол раньше времени?

— Что за чушь?! – Лю Цзянь аж сморщился от гнева. – Наговариваешь на меня на ровном месте!

Гнев Лю Цзяня служил лишним подтверждением незаменимости Тан Фаня.

В прежние времена Тан Фань разбил бы фракцию Ваней в пух и прах. Посмотрел бы Лю Цзянь, как Инь Чжи тогда бы заговорил!

Без Тан Фаня им с Сюй Пу было ни за что не одолеть фракцию Ваней в словесной баталии.

Видя, как Лю Цзянь от гнева стучит ногами, Инь Чжи ухмыльнулся одними уголками губ, весьма довольный собой.

На самом деле, посмертный титул госпожи Вань был лишь прикрытием.

И внимание Лю Цзяня с Сюй Пу было успешно отвлечено.

Вскоре весть о том, что император желает даровать госпоже Вань титул императрицы посмертно, должна была распространиться подобно лесному пожару, а Двор - загудеть, как улей.

Одни начнут протестовать, другие – поддерживать, кто-то займет нейтральную позицию, кто-то попытается угодить императору, а кто-то просто решит высказать свое важное мнение. Все будут так заняты, доказывая свою позицию, что забудут о наследном принце.

Видя, что затевается ссора, Лю Цзи спросил:

— А вдовствующая императрица согласна?

Он попал в самую точку. При жизни госпожи Вань вдовствующая императрица выступала решительно против того, чтобы сделать ту императрицей, так что и теперь, когда благородная наложница умерла, ни за что бы на это не согласилась.

— Точно! – подхватил Лю Цзянь. – Вдовствующая императрица никогда это не одобрит.

— Сердца матери и ребенка связаны, – многозначительно молвил Вань Ань. – Вдовствующая императрица не вынесет скорби Его Величества.

Согласия Кабинет Министров не достиг, так что решение принято не было, а утро оказалось потрачено впустую на бесконечные споры.

Ближе к полудню Вань Ань объявил о завершении заседания, и все разошлись на обед.

— Юаньвэн! – окликнул Вань Аня Лю Цзянь.

Сюй Пу потянул его за рукав, жестами упрашивая не совершать импульсивных поступков, но Лю Цзянь сделал вид, что не замечает этого, и, пристально глядя Вань Аню в глаза, проговорил, чеканя каждое слово:

— Чиновник должен думать о наследии и добром имени своих потомков. Не стоит делать то, о чем пожалеешь, ради мимолетной гордыни!

В другой день Вань Ань проигнорировал бы подобную провокацию, но теперь неожиданно остановился и, дав Пэн Хуа с Инь Чжи знак, чтобы те шли без него, с усмешкой спросил:

— Пожалею? Кто ты такой, чтобы учить меня, как быть чиновником? Игнорировать волю и желание монарха – это, по-твоему, значит “быть чиновником”?!

— Настоящий чиновник не угождает, а дает советы! – рассердился Лю Цзянь. – Если монарх ведет себя неподобающе, верный чиновник своим советом поможет ему держать ответ перед Небом и Землей и стать достойным управления целым народом. Мы министры, что должны помогать государю в управлении, а не изворотливые подхалимы, что только и знают, как ноги лизать! Вань Сюньцзи, задай себе один простой вопрос: достоин ли ты называться министром?

— Какая наглость! – такие слова даже глиняных болванчиков бы разозлили. А Вань Ань глиняным болванчиком не был. Он знал, что многие за глаза критикуют его. Но одно дело, когда делают это за спиной, и совсем другое, когда упреки сыплются прямо в лицо. Подобное было для него впервые.

— Что ты вообще знаешь о том, как быть министром?! Не тебе судить этого господина! Думаешь, сможешь защитить наследного принца?! Коли так, то беги, ставь на кон свою жизнь ради него! Ты! Тыква-креветка! Даже арбуз из Дасина умнее тебя!

Вань Ань был уроженцем Мэйчжоу. Лодочники из тех мест частенько ругались подобным образом. Однако, войдя в Кабинет Министров, он уже много лет не позволял себе такого рода высказываний. Кажется, Лю Цзянь так разозлил его, что тот невольно перешел на родной диалект.

Лю Цзянь понятия не имел, что значит “тыква-креветка”, но по голосу Вань Аня догадался, что ничего хорошего в этих слова нет. Побледнев от гнева, он уж было закатал рукава, собираясь ответить ему на своем хэнаньском диалекте, но Сюй Пу остановил его:

— Тише! Тише!

А затем вытащил – откуда только силы взялись? – Лю Цзяня на улицу, прервав поток взаимных оскорблений, начавшийся было между уважаемыми министрами Кабинета.

— Чего ты меня дергаешь?! Я его сейчас до смерти заругаю! – гневно воскликнул Лю Цзянь после того, как они покинули Кабинет и ему наконец удалось освободиться от хватки Сюй Пу.

— И чего бы ты этим добился? – горько улыбнулся Сюй Пу. – От ссоры никакого толку, так еще и людей насмешишь. Первый министр ругается со старейшиной – что было бы с твоим добрым именем?

— Ты слышал вообще, что он сказал? – продолжал сердиться Лю Цзянь. – Бессовестный подхалим! Этот Вань Ань соглашается со всем, чего бы император ни захотел! Какой из него первый министр?! Правильно говорят, что у него от первого министра лишь титул! Даже мнения своего нет! Позор нашего Кабинета!

— Пустое это, – вздохнул Сюй Пу. – Если уж даже вдовствующей императрице нечего возразить по этому поводу, то какой смысл нам сопротивляться? Думаю, раз Его Величество принял решение, он будет настаивать на нем до конца. И как только госпоже Вань удалось околдовать Его Величество, что он даже после смерти так к ней привязан?!

— Привязан, скажешь тоже! – скривился Лю Цзянь. – Был бы привязан, давным-давно сделал бы императрицей! Мертвый человек, а проблем больше, чем от живого! Раздражает!

— Язык у тебя, и правда, без костей, – Сюй Пу несколько изменился в лице. – Ладно со мной, но с другими такое ляпнуть даже не думай!

— Да знаю я! Я хоть раз говорил такое при посторонних? – нетерпеливо перебил его Лю Цзянь. – Если бы не ты, я бы этого черепашьего внука до смерти бы изругал!

— Все никак не забудешь? – беспомощно пробормотал Сюй Пу.

— Забудешь тут! – закатил глаза Лю Цзянь. – Что еще за “тыква-креветка”? А “арбуз из Дасина”… Я так зол! Пойду-ка вернусь и отвечу ему!

Сказав это, он действительно развернулся, собираясь войти обратно в Кабинет.

Сюй Пу поспешил схватить его за руку:

— Эх… Эй, ты! Я же сказал, довольно! Эй! Ты уже и так его предостаточно отругал!

— Но я еще даже на хэнаньский диалект не перешел!

Сюй Пу: “…”

Он чувствовал себя вконец беспомощным. Заметив, что Лю Цзянь вдруг остановился как вкопанный, он решил, что тот наконец прислушался к его совету и затараторил:

— Идем-идем! Нам еще работать днем, так что пойдем пообедаем. Не сердись, оно того не стоит!

— Ты помнишь, что он мне только что сказал? – ни с того ни с сего спросил Лю Цзянь.

— Помню, а что?

— Повтори-ка, хочу еще раз послушать.

Сюй Пу решил, что тот, должно быть, умом тронулся, и, с трудом вернув себе дар речи, проговорил:

— Не хочу. Ничего хорошего он не сказал. Ты помешался на его словах что ли?

— Нет, – покачал головой Лю Цзянь. – Нет.

Не уверенный в том, что от него хотят, Сюй Пу проговорил, подражая голосу Вань Аня:

— Тыква-креветка?

— …Не это, раньше.

Сюй Пу задумался, растерянный.

— Раньше? Он сказал, что не тебе его судить, а еще, что ты, мол, думаешь, что сможешь защитить принца… Ты об этом?

— Утром мы спорили о посмертном титуле госпожи Вань, – нахмурился Лю Цзянь. – С чего вдруг он о наследном принце заговорил?

— Может, случайно, слово за слово? – продолжал недоумевать Сюй Пу.

— Слово за слово? – с сомнением проговорил Лю Цзянь. – А может, он на что-то намекнул?

— Да быть того не может.

Лю Цзянь покачал головой, решив, что сам все равно ничего не поймет:

— Забудь. Пусть Тан Жуньцин голову ломает.

— Как бы умен Жуньцин ни был, он не сможет помешать Его Величеству сделать госпожу Вань императрицей, – горько улыбнулся Сюй Пу. – Думаю, об этом лучше поговорить со вдовствующей императрицей!

— Ты прав. Значит, отправляемся во Дворец Жэньшоу!

— А? Не пойдем на обед?

— Какой обед? Вернемся и поедим!

— Ладно! Ладно-ладно! Отпусти меня! Помедленнее! Помедленнее! Мои старые кости не выдержат такой пытки!

…

Слухи о ссоре Вань Аня с Лю Цзянем распространились быстро. Событие это было редкое: разногласия в Кабинете были делом привычным, но такие стычки, как сегодня, случались нечасто.

Однако по сравнению с желанием императора присвоить госпоже Вань посмертный титул императрицы это был сущий пустяк.

Среди чиновников разгорелось немало дискуссий по этому поводу, а многие цензоры уже приготовились строчить ко Двору прошения с увещеваниями.

Тан Фань тоже слышал о произошедшем, но не придавал этому особого значения, пока Лю Цзянь не пришел в дом Тан вечером и не рассказал о том, что произошло утром.

— На самом деле, сначала я не принял его слова близко к сердцу. Вань Сюньцзи всегда отличался бесстыдством, – Лю Цзянь предпочел не упоминать, что утром его чуть не довели до белого каления. – Но, вернувшись домой, я все обдумал и решил поговорить с тобой. Хотя, скорее всего, это я зря переполошился…

— Арбуз из Дасина? – несколько озадаченно повторил Тан Фань. – С чего вдруг Вань Аню упоминать Дасин?

— Разве это не метафора, чтобы меня оскорбить? – смутился Лю Цзянь.

Тан Фань немного поразмыслил, но, так ни до чего и не додумавшись, покачал головой:

— Должно быть, это обычное ругательство. Не вижу в нем ничего странного.

— Коли так, то ладно, – с облегчением вздохнул Лю Цзянь. – Вань Сюньцзи – человек коварный, хитрый и осторожный. Я боялся, что он на что-то намекал, но, кажется, я просто слишком много думаю!

Было уже поздно, так что Лю Цзянь поспешил попрощаться. Тан Фань проводил его до ворот, но обратно не вернулся, направившись в соседний дом Суй.

Суй Чжоу знал, что у Тан Фаня в гостях Лю Цзянь, а потому не пошел к нему сам. Увидев его, он спросил:

— Ушел?

— Ушел, – кивнул Тан Фань.

Он был немного рассеян, снова и снова прокручивая в голове слова Вань Аня.

Заметив его странное выражение лица, Суй Чжоу не удержался от вопроса:

— В чем дело?

— Что такого особенного в арбузах из Дасина?

— Какие арбузы в такое время года? – Суй Чжоу был сбит с толку.

Тан Фань почувствовал, что разговор зашел не в то русло, и быстро поправился:

— В округе Дасин выращивают арбузы?

— Кажется, выращивают.

— В каждом доме?

— Не уверен. Но Сюэ Лин из Дасина, могу завтра спросить у него.

— Надо сейчас.

Нетерпеливость его была несколько необычна, но осторожность и предусмотрительность Тан Фаня, как правило, оказывались весьма кстати.

Суй Чжоу, прошедший с ним через огонь и воду, прекрасно это знал.

Ментальная связь между ними была настолько крепкой, что они понимали друг друга с полуслова, а потому, услышав эти слова, Суй Чжоу молча поднялся и отправился на поиски.

Сюэ Лина они отыскали быстро. Тот состязался с товарищами в выпивке в своей любимой таверне. Алкоголь еще не успел из него выветриться, когда его внезапно вызвали к командиру, из-за чего Сюэ Лин чувствовал себя несколько неловко. Впрочем, Тан Фаня с Суй Чжоу подобные мелочи сейчас не волновали.

— Дасин? – несколько удивился Сюэ Лин. Он не ожидал, что Суй Чжоу вызовет его посреди ночи из-за чего-то подобного. – Там действительно выращивают много фруктов и овощей. Большая часть арбузов и винограда, что подают во дворце, выращена в Дасине. Бывший сосед вашего подчиненного как раз выращивал дыни. Правда, я слышал, что прибыль невелика, потому что государство платит мало, а торговцам продать урожай не удается.

Он понятия не имел, что Тан Фань хочет услышать, а потому рассказал все, что знал.

В словах его не было ничего странного.

— Это все? – нахмурился Тан Фань. – Ты не слышал ни о чем, имеющем отношение к Вань Аню?

— Нет, – немного подумав, покачал головой Сюэ Лин.

Тан Фань был несколько разочарован.

Но больше вопросов Сюэ Лину придумать не мог, решив, что они с Лю Цзянем действительно слишком много думали и слова Вань Аня были ни чем иным как брошенным в гневе оскорблением.

— Точно! – вдруг воскликнул Сюэ Лин. – Слышал, что земледельцы, выращивающие дыни, терпят убытки, но одной семье как-то удалось наладить связи с Вань Туном, потому что они живут рядом с его загородным домом, поэтому власти закупают у них дыни по цене выше рыночной.

У Тан Фаня похолодело на сердце:

— Говоришь, у Вань Туна есть загородный дом в Дасине?

— Да, – кивнул Сюэ Лин. – Но он там редко бывает. Слышал, там живут его попавшие в немилость наложницы. Он навещает их лишь изредка.

Услышав это, Тан Фань нахмурился.

Если Вань Ань таким образом действительно хотел им что-то сказать, то не это ли он имел в виду?

Но зачем было намекать Лю Цзяню? Неужели он знал, что тот обязательно все передаст Тан Фаню?

К тому же, разве Вань Ань с Вань Туном не в одной лодке? Зачем ему делать это?

И какое отношение загородный дом Вань Туна имеет к наследному принцу?

Слишком много вопросов. Каким бы умным Тан Фань ни был, ответов на них у него на данный момент не было.

— Как думаешь, Вань Ань действительно на что-то нам намекает? – спросил он Суй Чжоу.

— Когда ты в Сучжоу раскрыл дело Чэнь Луаня, в котором оказался замешан Шан Мин, Хуай Энь с Ван Чжи воспользовались этой возможностью, чтобы отстранить того от должности главы Восточной Ограды, и император с ними согласился, – немного подумав, вдруг ни с того ни с сего заговорил Суй Чжоу. – Заметив, куда дует ветер, Вань Ань также высказался за. Вань Тун был в ярости и даже публично обругал Вань Аня за его двуличие, но вскоре они помирились. Тебя не было в столице, поэтому ты не знал.

— Хочешь сказать, Вань Ань не всецело предан фракции Ваней, а ведет свою игру? – глаза Тан Фаня загорелись.

— Его игра состоит в том, чтобы пользоваться покровительством императора и копить богатство. Поскольку император был предан благородной наложнице Вань и следовал каждому ее слову, Вань Аню было с Ванями по пути. Если император однажды отвернется от Вань Туна, этот точно на его стороне не останется, – уголки губ Суй Чжоу приподнялись в насмешливой улыбке, однако смеха не последовало. – Такие, как он, могут разделять с человеком лишь богатство и радость, а не горести и невзгоды.

Мог первый министр Вань разделять горести и невзгоды или нет, должно было беспокоить Вань Туна, а не Тан Фаня с Суй Чжоу.

Однако Тан Фань уловил в словах Суй Чжоу главное: возможно Вань Ань обругал Лю Цзяня намеренно, с определенной целью, а не просто в приступе гнева.

Но оставалась еще одна проблема…

— Даже если предположить, что с загородным домом Вань Туна в Дасине связана какая-то тайна, мы не можем просто вломиться туда с обыском. А если ничего не найдем, лишимся зацепки, – нахмурился Тан Фань.

— Вообще не проблема. Предоставь это мне, – сказав так, Суй Чжоу повернулся к Сюэ Лину. – Иди собери братцев.

Услышав это, Сюэ Лин не только не испугался, а наоборот, загорелся нетерпением:

— Перевернем загородный дом этого черепашьего внука вверх дом?

— Можем не сдерживаться, – кивнул Суй Чжоу. – Только личности свои скроем.

— Не волнуйтесь, старший брат, – расхохотался Сюэ Лин. – Если пойдем с Вами, сорвем большой куш! Мы с братцами давно мечтаем проучить этого черепашьего внука, что постоянно пользуется своим положением и притесняет нас!

Говорил он это таким голосом, что могло показаться, будто перед ними не служащий Императорской Стражи, а грабитель, жаждущий обворовать чужой дом.

Дасин располагался на окраине столицы и подчинялся юрисдикции префектуры Шуньтянь.

Но как бы близко к столице он ни находился, столицей его все же было не назвать. Вечера здесь были тихими, а с наступлением темноты тишина становилась просто гробовой.

Ночь стояла безветренная, так что казалось, что все деревья сковал лед: настолько те стояли неподвижно и бесшумно. Пения птиц и стрекота насекомых, столь громких летними ночами, в это время года было не слыхать.

Холод стоял лютый, так что все, у кого был дом, прятались внутри, кутаясь в одеяла, а женщины, старики и дети грелись на печах-канах в тепле и уюте, пока снаружи свирепствовала зима.

Особняк на берегу реки Далун не был исключением. Хоть днем он выглядел величественнее и красивее, чем окружавшие его домики земледельцев, сейчас темнота словно поглотила его целиком. Стоило погаснуть последней свече в одной из комнат, как весь особняк погрузился в глубокий сон.

Как вдруг раздался женский крик!

Барышня Мань, крепко вцепившись руками в одеяло, с ужасом глядела на словно из ниоткуда взявшихся мужчин перед ней.

Факелы в их руках ярко озаряли комнату, и в их свете та разглядела, что облачены они во все черное, лишь глаза, свирепые, жестокие, открыты – с одного взгляда ясно: ничего хорошего от них не жди.

Кроме барышни Мань, крик подняли еще несколько обитательниц дома, однако это было единственное, что они могли сделать в подобной ситуации.

— Вы… Вы знаете, что это за место?! Это загородный дом командующего Императорской

Стражи! Как вы посмели сюда врываться?! Жить надоело?! Сейчас же уходите! – голос барышни Мань дрожал. Вся надежда была на то, что, услышав о Вань Туне, незнакомцы испугаются.

Но ей суждено было разочароваться. Те не обращали на нее никакого внимания, продолжая обыскивать комнату.

Барышня Мань была одной из наложниц Вань Туна. Ее отправили сюда несколько лет назад после того, как она впала тому в немилость. Такова была судьба всех обитательниц этого дома. Они прекрасно знали, что никуда им от нее не деться до конца своей жизни, но поделать с этим ничего не могли, вынужденные коротать здесь день за днем в ожидании редких визитов прихотливого Вань Туна.

Однако с полгода назад все изменилось. В особняке вдруг ни с того ни с сего разместился целый гарнизон опытных охранников, из-за чего и без того крохотный мирок барышни Мань и других женщин сузился до одного лишь заднего двора. На передний двор путь им был закрыт. Вань Тун стал чаще наведываться в свой загородный дом, однако на задний двор, обитательницы которого были подобны забытым увядшим цветам, по-прежнему не заглядывал.

Одна из сестриц барышни Мань, не вынеся одиночества, попыталась соблазнить охранника, но была поймана Вань Туном и забита до смерти палкой. Барышня Мань до сих пор помнила звуки ударов и полные боли крики.

С тех пор передний двор стал запретным местом.

Но теперь эти люди в черном свободно вошли на женскую половину, никем не остановленные, а охранники не услышали шума, словно померли там все разом.

Такое было возможно, только если с ними уже разобрались.

Сердце барышни Мань подпрыгнуло. Кажется, это был её шанс сбежать из этого дома.

— Что… Что вы ищите? – из одежды на ней было лишь едва прикрывающее грудь белье-дудоу, но незнакомцы в черном ее даже взглядом не удостоили. Очевидно, они сюда не насильничать пришли.

Но и не грабить тоже, поскольку ее сундуки с изысканными шелками оказались перевернуты, а украшения разбросаны, однако эти люди к ним даже не притронулись.

— Молчать! Откроешь рот еще хоть раз, и я убью тебя! – нетерпеливо прикрикнул один из незнакомцев.

Глядя на то, как те пытаются поддеть кинжалами лежащую на полу синюю каменную плитку, барышня Мань набралась смелости и вновь проговорила:

— …Я знаю, что вы ищите!

Люди в черном замерли и все как один уставились на нее.

Барышня Мань съежилась и, заикаясь, пробормотала:

— На самом деле… На самом деле, я не особо много знаю, но вы же что-то конкретное ищите, верно? Мне… Мне, кажется, кое-что известно…

— Что тебе известно? – спросил все тот же мужчина.

— А что я получу взамен? – попыталась было поторговаться барышня Мань.

Ответом ей послужил приставленный к горлу нож.

— Шучу я, шучу… – перепугалась барышня Мань. – Но если вы что-то ищите, то это точно не здесь, а на переднем дворе!

***

Послесловие автора:

Дабы сохранить интригу, прибережем кульминацию до следующей главы, чмоки~~

Случайно сделала Лю Цзяня с Сюй Пу слишком милашными →_→

***

Примечания переводчика:

Я запуталась в именах Вань Аня. Байду говорит, что его имя в быту было Сюньцзи. Откуда взялся Юаньвэн, которым его все кличут, я не знаю. На байду про этот псевдоним ничего не сказано.

ТФ: Что такого особенного в арбузах из Дасина?

СЧ: *нервно потея* Ты что, гурман несчастный, окстись! Где я тебе арбузы зимой достану?!

Следующая глава будет последней. И просто гигантской…. Так что скоро не ждите.

http://tl.rulate.ru/book/50212/3630580